

Российский консерватизм на страже будущего

Для меня наиболее существенным является вопрос о возможности консервативного мышления, консервативной идеологии работать в качестве некой силы, которая способна решать задачи сегодняшнего дня. Базовый вопрос о консерватизме распадается на три.

Во-первых, пришло ли время консерватизму в России – если да, то почему?

Второй вопрос, который здесь уже поднимался Александром Владимировичем [Щипковым – *Ред.*] и Михаилом Юрьевичем [Виноградовым. – *Ред.*], – о смысле, сути и специфике русской истории как постоянном самоотрицании. И связанный с ним вопрос: какую традицию мы можем консервировать?

Наконец, третий сюжет: может ли консерватизм выступать творческой силой национального развития? И связанный с ним вопрос о субъекте консерватизма: где те консерваторы, которые могут реально это делать? Или, быть может, они уже делают, но мы не готовы квалифицировать их как консерваторов?

Итак, о консервативном времени. Сначала нужно дать некую градацию постсоветского периода, чтобы вопрос звучал вполне контекстно. Чисто аналитически можно поделить новейшую историю на четыре эпохи:

– конец Советского Союза и становление нового российского государства, то есть это «перестройка» плюс два года до Конституции 1993 года, – это эпоха распада, в которой термин «консерватор» поминался исключительно в негативном смысле как тот, кто мешает реформаторам; соответственно, и сам консерватор в период хаоса и распада появиться не мог;

– 1990-е годы, или эпоха п(р)орыва; для этой эпохи характерен феномен функционального субститута: во-первых, левый консерватизм КПРФ, о котором очень убедительно писал Борис Гурьевич Капустин¹, и то, о чем писал я в статье «Пять парадоксов российского консерватизма» – по функционалу наши либералы (Гайдар, Чубайс и вся эта школа) выступали в роли неоконсерваторов типа Кристалла, впрочем, с одной поправкой: Кристалл и его единомышленники, заложившие идеологическую почву для тэтчеризма и рейганизма, соединяли достоинства современного предпринимательства (поставленные под вопрос той триадой, о которой говорил Михаил Ремизов) с моральными достоинствами христианской традиции. Я не замечал ни у Гайдара, ни у его окружения особой склонности ко второму компоненту, хотя в книге «Государство и эволюция» Гайдар, конечно, писал о собственном патриотизме и моральных ценностях, но тем не менее функционально в ту эпоху новейшей российской истории я обнаруживаю два таких субститута, заместителя консервативной идеологии;

¹ Капустин Б.Г. Левый консерватизм КПРФ и его роль в современной политике // Независимая газета. 1996. 5 марта.

– эпоха «нулевых» – «время собирания камней», когда была предпринята попытка сформировать консервативную внутреннюю позицию в рамках партийного пространства. Это не удалось по нескольким причинам: несмотря на позиционирование «Единой России» как консервативной партии, активисты этот термин не принимали ни в какую; сама система платформ и клубов растроила и даже расчленила партийные силы; наконец, немаловажно, что сам лидер в то время не идентифицировал себя как консерватор, так как позиция президента не допускала партийной привязки;

– нынешняя эпоха – третий срок; уверен – это время консерватизма. Консерваторы всегда просыпаются в ответ на вызов. Когда всё хорошо, консерватизму нет необходимости выходить со своими проектами. В отличие от либералов и социалистов, которые всегда предлагают некую идею и указывают на сегодняшнее состояние как на стадию на пути к ее реализации, консерваторы умеют наслаждаться тем, чего мы достигли сейчас. Когда нет вызова, ставящего под вопрос институциональную структуру наличного порядка, консерваторам делать нечего. Но поскольку третий срок начинался с очень серьезного кризиса зимы 2011/2012 года, это была домашняя вариация глобальной контркультуры. И «панк-молебен» в Храме Христа Спасителя – та точка, когда этот вызов был брошен предельно откровенно. Неполитический по своему антуражу, но политический как наносящий удар по несущей конструкции традиционной русской культуры.

Вторая причина – и здесь я перехожу ко второму вопросу – прошлое. Если консерватизм востребован как ответ на очень серьезный вызов, как культурная контрреволюция, то необходимо понять, что это за консерватизм, откуда он может взяться и что он должен делать. Это то, над чем мы бьемся уже не первый год. Сама алгоритмика нашей истории, заключающаяся в вечных отказах от самих себя и привнесении чужого опыта в качестве того, подо что мы должны подстраивать существующее, то есть постоянная догоняющая модернизация, – сама эта алгоритмика есть тупик. Если мы хотим создать консерватизм как некую легитимацию традиции, то будем консервировать вечную отсталость. Время консерватизма пришло в том смысле, что мы должны четко осознать: к сожалению, наша история такова, и подумать, не пришло ли время изменить исторический алгоритм. Мы переосмысливаем то, что делали всегда. Мы пытаемся наполнить содержательным смыслом термин «консервативная модернизация», возникший еще в конце нулевых и благополучно тогда исчезнувший, потому что никто не смог его актуализировать.

Кратко формулируя смысл исторического алгоритма, можно сделать следующее заключение. У импортеров западного, как правило, опыта есть преимущество, заключающееся в том, что они опираются на сильную и одновременно реформаторскую власть. У них есть ресурс для того, чтобы легитимировать любую инновацию, прежде всего ресурс силовой. Но там имеются минусы, худший из которых проявился дважды – в 1918 и 1991 годах. Власть, которая импортирует чужие ценности и продвигает их как образец для подражания для всех остальных, добивается своего на очень узком пространстве ближайшей элиты. Остальное население усваивает реформы на половину, на четверть и фактически отчуждается. Герцен когда-то отметил, что Россия состоит из двух народов, говорящих на разных языках, – Петербурга и всего остального. Поэтому что получается, когда государство получает серьезный вызов со стороны маленькой контрэлиты, – и в 1917-м, и в 1991-м? Оно не имеет защитников, потому что предстает в глазах большинства как чужеродная сила. Вот в чем трагический смысл такого типа исторического развития. И потому настолько всерьез была воспринята угроза «оранжевой революции»

и «белоленточного» движения – власть интуитивно понимала, что за ней нет широкой поддержки в культурном смысле, в смысле ценностной идентичности.

Перехожу к третьему вопросу и своей гипотезе. Третий срок стал возможен в той форме, в которой он состоялся, благодаря фактору, который здесь пока не упоминался, но тем не менее играет весьма значительную роль во всей метаполитической системе и социальных практиках. Я говорю про ОНФ. Это субъект, который берет на себя функцию реального носителя ценностей консервативной идеологии. Если мы рассматриваем ситуацию, в которой, по Мангейму, возникает потребность в объективной мыслительной структуре, то кто ее носитель и локомотив, кто субъект, который будет ее продвигать? ОНФ – это структура принципиально не политическая, хотя и включающая в себя политический аспект в виде третьей части фракции «Единой России» в Государственной Думе. Это надполитическая структура, не предполагающая партизацию консерватизма. Она дает лидеру возможность позиционировать себя открыто, последовательно в качестве прагматика с консервативным уклоном.

Ситуация сегодняшнего дня такова: если будет понято, что опора на историю в прежнем виде, на модернизацию как самоотчуждение власти и элиты от собственного народа будет преодолена, если будет сделана ставка на инновации, возникающие в результате собственного творчества, а не на импорт готовых образцов, в этом случае у консерватизма в России есть перспектива.